

В зале воцарилась неловкая тишина.

Первым нарушил молчание, как всегда, добряк Линсяо Чжэньцзюнь. Он улыбнулся и сказал:

- Что за дела? Линьюй, твоё испытание связано с другими людьми, верно?

И правда, у Гучжоу Чжэньцзюня всего два личных ученика. Хотя мечники и не так искусны в накоплении богатств, как другие последователи пути, но и до крайней бедности они обычно не доходят. Если бы Цю Линьюй действительно в чём-то нуждался, он мог бы, скрепя сердце, попросить своего учителя. Но раз это довело его до демонов сердца, значит, дело не в нём самом.

- Наставник, вы проникательны, как всегда.

Женщина-культуратор тоже рассмеялась. Её речь была куда более непринуждённой, чем у Линсяо Чжэньцзюня. Подперев щеку рукой, она сказала:

- Линьюй, скажи-ка, сколько тебе нужно? Если не слишком много, я могу одолжить. Гарантирую, что ты прорвёшься быстрее, чем Линьхуай.

Очевидно, это была шутка. Испытания человека редко касаются других, да и другие редко вмешиваются.

Не будем перечислять все возможные негативные последствия, упомянем лишь одно: духовное совершенствование – это путь против воли Неба, и причинно-следственные связи здесь не так-то просто разорвать. Тот, кто получит выгоду, может и останется невредим в этот раз, но следующее испытание будет куда суровее... А тот, кто вмешается, рискует либо потерять уровень, либо и вовсе погибнуть.

Цю Линьюй сокрушённо объяснил, что Цю Ибо, этот мелкий пройдоха, получил некое наследие, но умолчал о деталях – какой школе оно принадлежит, что собой представляет. Лишь упомянул, что для вступления на путь требуется огромное количество духовных камней:

- ...Вот так. Нужно примерно шесть тысяч...

- О... Шесть тысяч камней? Линьюй, за пару лет ты и сам накопить сможешь, – улыбнулась женщина. – Похоже, в Линсяо скоро появится новый Чжэньцзюнь...

Цю Линьюй поправил:

- ...Наставник Люсяо, шесть тысяч высококачественных духовных камней.

Люсяо Чжэньцзюнь замерла, затем рассмеялась, прикрыв рот рукой:

- Высококачественных? Линьюй, Линьюй... Может, тебе лучше себя продать?

Цю Линьюй и сам об этом подумывал. Может, и правда стоит продаться.

- Шимэй, – деликатно окликнул её Линсяо Чжэньцзюнь.

Люсяо Чжэньцзюнь махнула рукой:

- Да я просто пошутила! Линьюй, только не жалуйся потом, а? Если старший брат Гучжоу придёт меня бить, мне не поздоровится!

Она вдруг указала на водное зеркало:

- О, а ваша девочка ничего! Решительная, мне нравится! Как насчёт того, чтобы стать моей последней ученицей?

В зеркале трое детей из семьи Цю уже достигли восьмой платформы. С этого момента начинались иллюзии, испытывающие сердце. Первым отключился Цю Ибо, а Цю Хуайли и Цю Лули ещё держались.

Цю Лули одной рукой держала Цю Ибо, когда Цю Хуайли внезапно начал падать в сторону. Девочке было всего десять, и нести брата ей было тяжело. С другой стороны от Цю Хуайли зияла бездна. Если бы она попыталась его удержать, все трое рухнули бы вниз.

Цю Лули молниеносно бросила Цю Ибо и бросилась к Цю Хуайли, толкнув его в сторону ступеней. Они кубарем скатились вниз, но девочка, стиснув зубы, поднялась. Она понимала, насколько опасны такие падения, и потому прикрыла голову брата рукой, а сама прижалась к нему, избежав самых серьёзных травм.

Но её рука уже изогнулась под неестественным углом - похоже, сломана.

Проверив дыхание Цю Хуайли и убедившись, что с ним всё в порядке, она взглянула на Цю Ибо, лежащего на платформе выше. Убедившись, что и он в безопасности, она вытерла кровь с губ и, прислонившись к скале, тоже закрыла глаза.

Её тоже поглотила иллюзия.

Люсяо с интересом наблюдала за ней, затем перевела взгляд на маленькую фигурку на платформе и усмехнулась:

- Линьюй, а твой племянник, кажется, слишком уж хитер...

Иллюзии испытывали сердце: чем сложнее и изощрённее были мысли человека, тем легче он поддавался их влиянию. Простодушные же, напротив, сопротивлялись лучше. На других зеркалах большинство подростков, приближающихся к шестнадцати годам, уже спали, тогда как несколько шести-семилетних малышей всё ещё бодрствовали, упорно карабкаясь вверх.

Цю Линьюй хотел что-то сказать, но его опередила наставница:

- Что ж, не удивительно, если учесть, что он сын Линьхуая. Весь в отца...

Остальные Чжэньцзюни в зале дружно рассмеялись.

Не дав Цю Линьюю ответить, Люсяо Чжэньцзюнь указала на другую девушку:

- Эй, старший брат, взгляни на эту девочку! Когда она вырастет, будет настоящей красавицей! Может, и её мне в ученицы?

Лиань Чжэньцзюнь не выдержал. Списки поступающих уже были у них на руках. Девочка из семьи Цю обладала земляным духовным корнем - редчайший случай за последние сто лет. А та, на которую указала Люсяо, тоже была земляным духовным корнем. Всего таких трое, и двое уже достались Люсяо!

- Старшая сестра, хоть ты и единственная женщина среди нас, это не значит, что ты можешь забрать всех девушек себе! Все таланты к тебе уходят! Пожалей младшего брата! Старший

брат Гучжоу на этот раз отсутствует, дай мне хоть одного ученика!

Люсяо парировала:

- Нет уж, ты же мужчина!

- Ну и что с того?!

- Разве ты разбираешься в румянах? Знаешь, какие ткани самые приятные на ощупь? Если завтра ты подаришь ученице румяна, да ещё и розовые, что тогда?! Такая красавица расплачется от обиды!

Лиань Чжэньцзюнь задумался. С одной стороны, слова старшей сестры казались ему разумными, с другой – а разве девушкам не нравится розовый?

Пока он колебался, Люсяо Чжэньцзюнь быстро договорила:

- Вот и договорились! Девочка моя!

Тут Лиань Чжэньцзюнь осознал: а с чего это он, учитель, должен дарить ученице румяна?! Денег разве недостаточно? Или магических предметов? Или пилюль? Румяна – это забота её будущего супруга (если таковой найдётся)! Какое ему до этого дело?!

Линсяо Чжэньцзюнь потер виски, наблюдая за этим хаосом. Хорошо хоть, что они позволяют себе такое только наедине, а на людях ведут себя прилично. Репутация Линсяо пока в безопасности.

Цю Линьюй уже привык к подобным выходкам старших и предпочёл помалкивать, делая вид, что его здесь нет.

Цю Ибо был ошарашен. Да, он и правда нуждался в деньгах, и внезапно увидеть перед собой гору золота и драгоценностей было впечатляюще, но любой бы понял, что тут что-то не так.

Как во сне.

Точнее, это и был сон!

Он же только что карабкался по горе с Цю Хуайли и Цю Лули, как вдруг очутился здесь. Мысленно покачав головой, он предположил, что это, должно быть, та самая иллюзия, испытывающая сердце.

В оригинальной истории для Осёдланного Небом Цю это испытание было раз плюнуть. Его глубочайшим желанием была месть, и иллюзия показала ему его врагов, молящих о пощаде и раскаивающихся. Холодно взглянув на них, он разрубил их мечом – и испытание было пройдено.

Почему убийство врагов считалось прохождением, Цю Ибо не совсем понимал. Но явно его иллюзия отличалась от той, что выпала Цю. Что ж, логично: у Осёдланного Небом были привилегии главного героя, а он же был лишь второстепенным персонажем, погибшим в первой главе.

Тем не менее, Цю Ибо не мог оторвать взгляд от драгоценностей. Они словно гипнотизировали его, манили.

Ему хотелось потрогать их, рассмеяться от восторга, собрать все и унести с собой.

Не осознавая того, он уже наклонился, и его пальцы почти коснулись самоцветов, как вдруг его осенило: обычные драгоценности не так уж и ценны. Всё это вместе, возможно, не стоит и одного высококачественного духовного камня.

Он прикусил язык, и разум прояснился. Теперь драгоценности уже не казались такими привлекательными. Неужели он настолько мелок? Ведь у него же есть наследство в десятки тысяч высококачественных камней!

- Ишь ты, какие бедные, эти мечники. Даже в иллюзиях денег нормальных не могут предложить!

Едва он подумал об этом, как гора золота начала стремительно расти, заполняя всё его поле зрения. Земля под ногами поднималась, повсюду появлялись новые сокровища, а в воздухе заструился туман... но не обычный, а тот, что исходит от драгоценностей.

«Сияние жемчуга и блеск яшмы» - вот как это называлось.

Когда гора наконец перестала расти, он огляделся. Он стоял на вершине, усыпанной самоцветами. Сапфиры и изумруды образовывали океан, жемчуг - песок. Зрелище было потрясающим.

Цю Ибо усмехнулся. Мало денег - не беру, вот вам и пришлось увеличить сумму, да?

Но он всё равно не хотел их. Ну кто в здравом уме согласился бы?

Гора была настолько огромной, что спуститься можно было, только скатившись вниз.

Цю Ибо попытался сделать шаг, но драгоценности под ногами заскользили, и он поспешил вернуться на безопасное место. Подняв рубиново-красный камень, он взвесил его на ладони. На ощупь и по весу он казался настоящим.

Затем он швырнул камень вниз. Самоцвет покатился по склону, звеня и поднимая за собой другие сокровища. Звук напоминал журчание ручья - мелодичный и приятный.

А потом началась лавина. Тонны золота и драгоценностей обрушились вниз, увлекая за собой и Цю Ибо.

Он ожидал боли, но её не было. Сокровища касались его, словно вода, не причиняя вреда. Когда всё наконец улеглось, перед ним расстилалась бескрайняя пустыня, усыпанная золотом и самоцветами.

Вот это да... Цю Ибо моргнул. И как теперь пройти испытание?

Сидеть сложа руки было не вариант, поэтому он собрал в подол несколько приметных драгоценностей и отправился в случайном направлении. Периодически он останавливался, делал углубление в земле и бросал туда один из камней, чтобы не ходить кругами.

Прошло неизвестно сколько времени. Цю Ибо уже едва мог идти, горло пересохло, но вокруг ничего не менялось.

Он сел на наименее неудобную кучу золотых слитков, чтобы отдохнуть перед новой попыткой найти край.

Отдышавшись, он осознал: наверняка он выбрал неверный способ. Это же испытание Линсяо – они вряд ли станут доводить людей до смерти от жажды и истощения.

Но он ведь и правда не проявлял жадности. И бросал драгоценности. Что же тогда нужно?

Цю Ибо подпер щеку рукой. Он думал, что рано или поздно появится кто-то, кто предложит ему выбор – например, воду в обмен на богатство. Он бы отказался, сказав что-то вроде «неправедные богатства не для меня», или же его бы перенесли в его прежний мир, где он внезапно разбогател, чтобы он осознал тщетность мирских благ... Но ничего подобного не произошло.

Ладно, раз не беру – не выхожу, значит, возьму.

Посмотрим, что будет дальше!

– Как мне забрать всё это с собой? – прошептал он.

Перед ним вспыхнул свет, и появился мешок хранения. Драгоценности устремились внутрь, пока вокруг не остался лишь он да мешок.

Цю Ибо поднял его, и сцена изменилась. Лёгкий аромат коснулся его, нежная рука легла на плечо. Он обернулся и увидел красавицу, которая кокетливо подмигнула ему:

– Молодой господин, не подниметесь ли выпить?

Цю Ибо: «...»

Я гей.

На случай, если иллюзия не поймёт, он мысленно добавил: Мне нравятся мужчины.

И мне всего шесть лет. У меня нет таких возможностей.

Иллюзия неловко замерла.

Чуньмин Чжэньцзюнь удивился:

– Почему этот ребёнок попал в «вино, красоту, богатство и тщеславие»?

Это испытание предназначалось для подростков, приближающихся к совершеннолетию. В мирской жизни шестнадцатилетние юноши и девушки часто уже вступали в брак, слишком глубоко погружаясь в мирские заботы, поэтому «вино, красоту, богатство и тщеславие» использовали для испытания их сердец.

Цю Линьюй: «...»

Наставник, если бы вы знали, что этот мелкий в первый же день затащил меня в цветочный дом есть свиные ножки, вы бы не удивлялись.